

Пролог

Вечером 3 сентября 1907 года Лыков и Азвестопуло вышли из пригородного поезда на платформе Чесменская Московско-Курской железной дороги. Дачный сезон заканчивался, пассажиров почти не было. Сыщики направлялись к концу дебаркадера, когда их перехватил унтер-офицер жандармской железнодорожной полиции.

— Здравия желаю, господа. Куда путь держим? Готов подсказать, ежели что надо.

— Ничего не надо, мы сами, — попытался отмахнуться Сергей.

Но жандарм не уходил. Он пристально смотрел на путников, потом спросил:

— Вы чего здесь забыли? Я баловства не допущу.

Лыкову пришлось вынуть полицейский билет. Увидев чин и должность, служивый взял под козырек.

— Мы ищем одного мазурика, — вполголоса объяснил коллежский советник. — Есть сведения, что он может прятаться у зрителя переезда Затулкина. Что про него скажешь?

— Очень даже запросто, — ответил жандарм. — Дурного поведения человек. Вас проводить?

— А еще поезда сегодня будут?

— Через час последний.

— Тогда останься здесь, кто-то должен нести охрану. Мы правильно идем? Назад около версты?

— Так точно, ваше высокоблагородие. Будка Затулкина у пересечения с Перервинским трактом. По-менее версты; там еще фонарь горит.

Сыщики спустились на путь и зашагали по шпалам обратно к Москве. Было темно, со стороны Сукина болота несло тиной и чем-то еще.

— Дерьмом откуда-то пахнет, — сказал Азвестопуло, пригнувшись.

— Вдоль Перервинского шоссе идет главная труба городской канализации, — пояснил помощнику Лыков.

— Куда идет? — не понял Сергей.

— В поля орошения.

— А-а...

Некоторое время они шли молча, пока их не нагнал поезд. Сыщики отошли в сторону. Поезд медленно тянулся мимо них и вдруг остановился. Лязгнула дверь товарного вагона, высунулся невидимый в темноте человек.

— Принимай, нехристи!

Что-то тяжелое вылетело наружу, чуть не зацепив титулярного советника. Паровоз рыкнул и тронулся с места. Когда последний вагон прополз мимо сыщиков, хвостовой кондуктор с него крикнул:

— У, ворье!

— Что все это значит? — спросил Азвестопуло у шефа, когда огни поезда удалились.

— Пойдем-ка отсюда, пока нас не поймали, — вместо ответа сказал Лыков.

Но уйти они не успели: из темноты появились полдюжины людей. Мужики обступили сыщиков, и главный спросил:

— Вы че тут делаете, дурни еловые?

— Да мимо шли, — ответил Лыков. — Нельзя, что ли?

— Нельзя, — ответил атаман со злостью. — Считай, что пришли уже. Амба.

Наступила зловеющая тишина. Бандиты сделали шаг вперед, но тут заговорил Алексей Николаевич:

— Ты кого стращаешь, сосунок? На чертолом хочешь облапиться? ♦ Пупок сначала зашей.

Главный, услышав знакомые слова, сделал остальным знак: погоди. Всмотрелся в Лыкова и спросил:

— Ты кто?

Тот небрежно бросил:

— Своя своих не познаши, дубинородные. Сюда смотри!

Он нагнулся, взялся за железнодорожный костыль, покряхтел и рывком выдернул его из шпалы.

— А теперь брысь!

♦ *Облапиться на чертолом* — схватиться насмерть (жарг.) (Здесь и далее — примеч. автора).

Бандиты мигом расступились, и сыщики продолжили путь.

— Так что это было? — вернулся к своему вопросу титулярный советник, когда они удалились шагов на сто.

— Сбросили кипу хлопка, а эти ребята его сейчас подберут, — пояснил шеф.

— Кипа — это такая шапка у евреев!

— А еще спрессованная хлопковая масса. Я в Ташкенте видел, как его пакуют.

— Едва она меня не задавила, — хмыкнул Сергей. — То-то бы посмеялись.

— Тихо. Видишь свет от фонаря? Это переезд.

Сыщики спустились с насыпи. Вскоре они оказались возле будки смотрителя. В окне горел свет, но занавеска была плотно задернута.

— Постучать и вызвать? — предложил грек.

— И кем назовешься? Почтальоном с телеграммой? — язвительно спросил коллежский советник.

— А дорогу спросить. Иду, мол, в Николо-Угрешский монастырь. Правильно али как?

— Хм. Ну попробуй. А я спрячусь.

Так они и сделали. Лыков вынул браунинг, поставил на боевой взвод и убрался за угол. Азвестопуло же постучал в окно и запричитал гнусаво:

— Дяденька, а дяденька!

Занавеска отдернулась, и в окне показалось хмурое лицо смотрителя.

— Чего еще тут за рыло?

— А нету ли водицы? Пересохло очень в утробе, а до Угреши еще идтить да идтить...

- Из речки попьешь. Пошел прочь!
- Спасибо на добром слове, раб божий.
- Помощник перебежал к шефу и сказал:
- Видел на столе два стакана.
- Значит, Комоха там.

Он-то и нужен был сыщикам. Известный налетчик Флегонт Тюхтяев по кличке Комоха подозревался в убийстве станового пристава Дмитровского уезда Винтергальтера. Уездная полиция не сумела найти преступника. Сыскная полиция градоначальства попробовала, но тоже не нашла. Губернатор, флигель-адъютант Джунковский, обратился за помощью в МВД. Столыпин приказал из-под земли достать убийцу...

— Что делать будем? — возбужденным голосом спросил Азвестопуло. — Вы постойте здесь, а я сбегаю за жандармом. Втроем веселее.

— А они как раз пойдут на прорыв? Если один полезет в дверь, а второй в окно, я не услежу. Ты вот что...

Но их спор был неожиданно прерван. Видимо, появление ночного прохожего насторожило Комоху, и он решил осмотреться. Стукнул ставень, кто-то высунулся наружу, увидел сыщиков и без раздумий открыл огонь. Лыков с Азвестопуло едва успели отскочить в темноту и укрыться.

Далее случилось то, чего и боялся коллежский советник. Один из преступников распахнул дверь и начал высматривать чужаков. А второй с противоположной стороны дома попытался выбраться в окно. Питерцы выстрелами тут же загнали их обратно.

Бандиты озадачились и стали совещаться, сыщики — тоже.

Лыков крикнул:

— Эй, Затулкин! Ты-то куда полез, дурак? Комохе виселица светит, я его понимаю, неохота. А ты? Вооруженное сопротивление полиции. Тоже в петлю захотел? Сдавайся.

Бандиты переговорили, и сторож подозрительно быстро ответил:

— Сдаюсь! Не стреляйте!

— Кинь пушку в окно и выходи с поднятыми руками.

Затулкин выбросил револьвер.

— Приготовься, это ловушка, — предупредил помощника Лыков. — Комоха всегда ходит с двумя «наганями», он отдаст второй напарнику.

Так и оказалось. Сторож вышел наружу, сделал три шага — и выхватил оружие. Но больше ничего не успел: Лыков продырявил ему плечо. Следом за ним в дверь вылетел Тюхтяев, пальнул раз-другой и упал со стоном на землю — Азвестопуло прострелил ему ногу.

Минуту спустя Алексей Николаевич перетягивал налетчику бедро его же ремнем и ругал помощника:

— Сколько раз говорил, чтоб не в ногу! Теперь с ним хлопот полон рот, иначе помрет от потери крови. Вот смотри, как я: в плечо — и чисто.

— Да уж... После Ростова нам до пенсии всех живьем брать придется... — с досадой отозвался Азвестопуло.

Перевязав арестованных, полицейские зашли в сторожку.

— Ого! — поразился Лыков. — Богато нынче живут зрители поездов!

Вся будка оказалась заставлена коробками с папиросами. Среди них были и дорогие сорта.

— Это все железная дорога, — вздохнул коллежский советник. — То тебя чуть кипой хлопка не убило, теперь вот табак. Когда только это прекратится? Куда смотрит московская сыскная?

Азвестопуло, курящий по пачке в день, молча набивал себе карманы.

— Эй, слуга закона! Беги на шоссе, тут до городских боен две с половиной версты. С ворованным табаком быстро домчишь. Пусть пришлют доктора или хотя бы фельдшера. А я их покараю.

За окном требовательно загудел паровоз — проехал очередной состав, из которого опять что-то выбросили.

— Сходи, погляди, что там.

Грек подскочил, наклонился над коробкой.

— Ого. Чур мое! Спрячьте это от обыска, Алексей Николаич. Хотя в кусты, а я утром потихоньку заберу.

— Да что в коробке?

— Папиросы «Грация» фабрики Богданова. Высший сорт!

ГЛАВА 1

Московский беглец

Два месяца спустя коллежский советник Лыков явился в приемную к Столыпину. Там уже сидели директор Департамента полиции Трусевич и коллежский асессор Лебедев, чиновник особых поручений. Был восьмой час вечера, посетители разошлись. Остался только секретарь, да в углу примостился фельдъегерь, ждал, когда премьер-министр подпишет исходящие бумаги. В ноябре темнело рано, и питерцы начинали хандрить. Включили электрическое освещение, и сразу стало уютнее. За окном шумел дождь, по Фонтанке тянулись огни — это плыли баржи с дровами.

Звякнул телефон. Секретарь снял отводную трубку, выслушал и почтительно сообщил Трусевичу:

— Стефанов вышел от Макарова и сейчас будет здесь.

Директор Департамента полиции коротко кивнул и нахмурился еще более. Макаров был товарищ министра внутренних дел, занимающийся полицейскими вопросами. А кто такой Стефанов? Алексей Николаевич знал одного, но тот служил в Московской сыскной полиции в чине коллежского секретаря. Ему не по рангу ходить по таким кабинетам...

Тут открылась дверь, и вошел тот самый Стефанов, которого Алексей Николаевич только что отверг. Гость сделал общий поклон, потом отдельно приветствовал директора департамента. И лишь после этого подошел к своим знакомцам. Лебедев до перевода в Петербург пять лет прослужил начальником МСП♦. Это он в свое время взял способного околоточного надзирателя из наружной полиции в сыскную. А Лыков, знавший наперечет чуть не весь ее личный состав, особенно симпатизировал именно Стефанову. Он и протянул первый руку:

— Добрый вечер, Василий Степанович. Какими судьбами?

Стефанов покосился на директора, словно ожидал от него помощи. Трусевич пояснил:

— Разговор у Столыпина будет посвящен тем безобразиям, которые творятся сейчас в Москве. И о которых подал сигнал господин коллежский секретарь.

Подал сигнал? Лыков перевел взгляд на Лебедева. Его приятель скривился:

— Именно так, Алексей Николаевич. Я, когда уезжал сюда, оставил дела в порядке. А Мойсеенко, судя по всему, их развалил. И не просто развалил! Там

♦ МСП —
Московская
сыскная
полиция.

черт-те что творится... До меня доходили слухи, которым я, признаться, не верил. Но приехал Василий Степанович и рассказал такое, что я сразу же пошел к Максимилиану Ивановичу. А тот к Столыпину. Надо что-то делать!

Надворный советник Мойсеенко три года назад сменил Лебедева на должности главного московского сыщика. Алексей Николаевич и его знал очень хорошо, оттого и недолюбливал. По его мнению, лучшей заменой был бы тот же Стефанов. Но он не вышел чинном, и место отдали другому. Однако что такого натворил Дмитрий Петрович, что подвиги его удостоились внимания самого премьера?

Наконец всех позвали к Столыпину.

Совещание проходило в малом зале дворца Кочубея на Фонтанке, 16. Столыпин помимо должности премьер-министра сохранил за собой еще и пост министра внутренних дел. И на этом основании имел право на министерскую квартиру, размещавшуюся в бывшем графском дворце. В разное время тут жили и Горемыкин, и Дурново, однако Петр Аркадьевич селиться не захотел. Он жил на Елагином острове, но совещания часто проводил здесь, что вполне устраивало Департамент полиции. Ходить недалеко — только из южного департаментского корпуса перебраться в западный министерский.

Столыпин, усталый и чем-то недовольный, молча по старшинству подал руку вошедшим. Кивнул, все сели, и премьер сразу обратился к москвичу:

- Это правда, что вы сообщили Макарову?
- Так точно, ваше превосходительство.